

видов ядерных ракет, которые могли бы «компенсировать» создание Вашингтоном (теперь в рамках НАТО) системы противоракетной обороны в Болгарии, Румынии, Польше и Восточном Средиземноморье.

Традиционное мышление свойственно и американской стороне, в том числе и администрации Барака Обамы, хотя Белый дом больше готов сейчас воспринимать новую реальность. Характерен новый подход к стратегической стабильности, зафиксированный в апрельском Обзоре ядерной политики и получивший затем развитие в серии программных выступлений. Сокращение стратегических ядерных вооружений и уменьшение их роли в оборонной политике предполагается компенсировать за счет разработки систем ПРО и потенциала стратегических неядерных вооружений. Так называемая программа Prompt Global Strike предусматривает оснащение межконтинентальных баллистических ракет неядерными боеголовками, что предоставит Соединенным Штатам возможность в течение часа нанести неядерный удар по любой точке мира. Эти планы, очевидно, рассчитаны на то, чтобы возратить Вашингтону абсолютное первенство в военной сфере, тем более что в рамках такого подхода сокращать СЯС должны не только США, но и Россия, а в перспективе — Китай.

Кроме того, в ходе переговоров по ДСНВ именно американская сторона настаивала на минимальном сокращении стратегических носителей по сравнению с нынешними арсеналами. В результате Россия может даже нарастить число стратегических носителей, чтобы достигнуть потолка по новому договору. В ядерной доктрине Соединенных Штатов прямо указывается на то, что по вопросу сокращения ядерного оружия принят консервативный подход. Якобы он будет пересмотрен в следующем договоре, который впоследствии придет на смену ДСНВ. Также утверждается, что между стратегическими ядерными арсеналами Соединенных Штатов и России должен сохраняться баланс. Примечательно, что американская сторона считает этот весьма традиционалистский взгляд чуть ли не революционным.

Не могут не вызывать вопросов и многие аспекты американской политики в сфере противоракетной обороны. Речь идет о категорическом отказе ограничивать свободу действий в данной сфере международными соглашениями и режимами (здесь администрация Обамы не отличается от своих предшественников), непрозрачности для России (о многих решениях Москва узнает из СМИ), отсутствии полной ясности относительно географии будущей системы в Европе, ее качественных и количественных характеристик. США намерены создавать противоракетную систему самостоятельно, вне зависимости от российских пожеланий и озабоченностей, а участие России, по их версии, должно ограничиваться подключением к уже утвержденной архитектуре.

Вызывает вопросы решение о размещении контингента противоракет SM-3, используемых в будущей системе, в Польше, где они физически не

могут быть применены для отражения иранской угрозы. Да у Ирана пока и нет ракет, способных достигнуть европейской, а тем более американской территории, которые гипотетически могли бы оправдать создание подобной системы.

Наконец, весьма вероятностно то, что после возвращения на какое-либо место в американской политике республиканцев будут отвергнуты даже робкие шаги к понижению роли ядерного оружия, предпринятые при Обаме. Республиканцы, которые в последние время дрейфуют вправо, выступают за качественное и количественное наращивание стратегического ядерного арсенала, создание Американской стратегической (а не тактической) системы ПРО и, как и прежде, достижение абсолютного и подавляющего военного превосходства над остальными державами. Масштабное увеличение ассигнований на модернизацию ядерного комплекса стало условием, которое республиканцы выдвигают администрации для ратификации СНВ.

Неспособность сторон отказаться от традиционной логики отношений и восприятия АРГТ привела к тому, что подписание договора о сокращении ядерных вооружений, будучи главным символом потепления, одновременно открыло путь к появлению новых противоречий. Так, Соединенные Штаты высказываются за дальнейшее сокращение ядерного оружия двух стран и начало выработки сводящего договор вскоре после вступления СНВ-3 в силу. Как указано в новой ядерной доктрине, Лентаго по-прежнему из Белого Дома указано начать обсуждение основных параметров документа. При этом США настаивают на включении в него в том числе (и в первую очередь) тактического и неразвернутого ядерного оружия. Станислав Публикация о некой мифической угрозе странам НАТО со стороны российского ТЯО, которое численно намного превосходит американское (по оценкам, в Европе Соединенные Штаты сохраняют около 200 тактических ядерных бомб). Указание на это содержится и в новой стратегической концепции НАТО, которая принята в ноябре 2010 года.

Россия уже давала понять, что не разделяет стремление администрации Барака Обамы идти на дальнейшее сокращение ядерного оружия в обозримой перспективе и считает уровень, предусмотренный СНВ-3, достаточным на ближайшие 10 лет (срок действия договора). Еще бо́льший вызов представляет уже принятое американцами решение добиваться включения в сводящий договор провальной ТЯО, а то и свести его сокращение центральным элементом договора. Если такое соглашение воплотится в жизнь, оно неизбежно примет вид одностороннего разоружения России, ведь для нее численный перевес в ТЯО играет роль не столько военной, сколько психологической компетенции значительного перевеса США и НАТО в обычных вооружениях.

Поэтому, не жая допустить даже возможность начала соответствующих переговоров, Москва выставляет Вашингтону предварительные

условия о том, что Соединенным Штатам следует в одностороннем порядке вывести свои ядерные заряды из Европы, а приоритетом переговоров должны стать вопросы противоракетной обороны, стратегического неядерного оружия и милитаризации космоса.

Пока не ясно, будет ли Вашингтон действительно настаивать на том, чтобы в рамках гипотетического будущего договора обсуждалось дальнейшее сокращение стратегического ядерного оружия, как об этом говорится в новой американской ядерной доктрине, и сколь существенное сокращение имеется в виду. Объективные факторы (растущее превосходство США в неядерных вооружениях, развитие высокоточного оружия, потенциала стратегического неядерного сдерживания, постепенное совершенствование систем ПРО и т.д.) будут толкать Америку к ядерному разоружению. Именно эта логика свойственна администрации Обамы, которая серьезно интенсифицировала работу над программами ПРО и Prompt Global Strike (вероятность их реализации пока оценить трудно), но добивается от Сената ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), что сделает физически невозможным наращивание американцами своего стратегического ядерного арсенала до размеров 1980—1990-х годов. Однако в этом случае естественно ожидать, что Вашингтон будет оказывать давление и на другие ядерные державы, прежде всего Россию и Китай, дабы принудить их к дальнейшим сокращениям.

С другой стороны, этот подход разделяет далеко не весь истеблишмент Америки. Против сокращения ядерного оружия и ратификации ДВЗЯИ выступают военное сообщество и республиканцы, которые настаивают на одновременном развитии указанных направлений и наращивании либо модернизации стратегического ядерного арсенала. Чтобы получить поддержку республиканцев по ДСНВ и ДВЗЯИ (ни того ни другого пока не произошло), администрация Обамы уже согласилась на существенное увеличение финансирования ядерного комплекса в течение 10 лет.

Опыт войн в Ираке и Афганистане показывает, что неядерная военная мощь Соединенных Штатов все меньше находит применение, которое к тому же оборачивается огромными расходами и не приводит к желаемым политическим результатам. С учетом же растущего бюджетного дефицита, который неизбежно повлечет за собой сокращение военного бюджета, а также на фоне роста военных расходов в «новых центрах силы», перевес США в неядерных вооружениях может начать уменьшаться. В этом случае не только республиканцы и «ястребы» из оборонного комплекса, но и другие представители элиты вернутся к тому, чтобы рассматривать именно СЯС как главный инструмент стратегического сдерживания и обеспечения военной безопасности страны. Тем самым на пути существенного сокращения будет воздвигнуто практически непреодолимое препятствие.

При этом, однако, в Соединенных Штатах существует консенсус по вопросу о тактическом ядерном оружии. Республиканцы выступают за

это сокращение (имея в виду российское) не менее активно, чем администрация Обамы. Так, в качестве одного из недостатков СНВ-3 некоторые называют именно отсутствие в нем ограничений на российское ТЯО. Задержка с ратификацией договора, подписанного в 2010 г., минимизирует вероятность начала переговоров по новому соглашению до окончания нынешнего президентского срока Барака Обамы, но в перспективе избегать данной темы, скорее всего, не удастся.

Соответственно, уже в ближайшие годы Москва будет испытывать все большее давление с целью принудить ее к дальнейшему сокращению ядерного оружия, в первую очередь тактических сил. Нежелание авиатрасс в этом направлении будет трактоваться как нарушение обязательств по VI статье Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), препятствование и/или безъядерного мира и т.д. Москва же воспримет это давление как иллитимное по отношению к Вашингтону, что приведет к абсолютизации военного превосходства. В российско-американских отношениях появится разрыв, способный нивелировать позитивные достижения «перезагрузки». Параллельно восприятие России и США друг друга как потенциальных противников лишь укрепится.

Еще одно опасное противоречие касается проблематики противоракетной обороны. Серьезное беспокойство в среде консервативно настроенной (составляющей большинство) части российской военной и политической элиты вызывает намерение Вашингтона обеспечить к 2020 г. способность системы ПРО в Европе перехватывать ракеты не только средней и меньшей (как на первых этапах развития), но и большой дальности. Речь идет о межконтинентальных баллистических ракетах, составляющих основу российских СРС. Такие планы заявлены в Обзоре политики США в сфере противоракетной обороны. Другой предмет озабоченности — коалиционные характеристики данной системы. В намерениях Пентагона входит развертывание к 2020 г. 430 противоракет SM-3, которые составят основу системы американской ПРО.

Вероятность реализации этих планов невысока не только из-за серьезных технических неполадок, но и принимаемая во внимание тот факт, что будущая администрация может столь же легко внести коррективы в нынешние замыслы относительно данной сферы, как администрация Обамы ранее пересмотрела намерения администрации Буша. Но если в ближайшее время не произойдет реального сближения между Россией и США в сфере ПРО, Москва, скорее всего, без особых проблем начнет трактовать ее не только как политический вызов (так это воспринимается сегодня), но и как военную угрозу.

Действительно, создание в непосредственной близости от российских границ системы противоракетной обороны, закрытой от России и насыщенной новейшей боевой 400 перехватчиков, теоретически способных противостоять МБР, можно легко изобразить как угрозу для российского

потенциала сдерживания. Естественной реакцией станет поиск «асимметричного ответа», обеспечивающего преодоление данной системы, что, в свою очередь, чревато гонкой вооружений в Европе. А это сделает-таки данную систему антироссийской, хотя сегодня она на деле таковой не является.

При всем при том вероятность сближения Москвы и Вашингтона по ПРО пока невелика. Преодоление противоречий возможно лишь в том случае, если стороны откажутся от логики балансов, унаследованной от холодной войны, а будут руководствоваться соображениями безопасности и прагматической реализации внешнеполитических интересов. Несмотря на половинчатый характер предпринимаемых шагов, необходимость компромисса с консерваторами и высокую вероятность регресса, администрация Барака Обамы находится здесь впереди России.

Новая глобальная стратегия, предложенная этой администрацией, носит революционный для Америки характер. В ней признается факт масштабного перераспределения силы в пользу новых центров, реальность многополярного мира, несостоятельность однополюсной гегемонии и обреченность стратегии, основанной на односторонних действиях. Вместе с тем предлагается коллективно бороться с новыми вызовами и угрозами с помощью выстраивания новых и обновления старых партнерств. Причем совместное противостояние возникающим вызовам должно, по мнению администрации Обамы, в гораздо большей степени определять отношения Америки с другими центрами силы и международные отношения в целом, чем традиционные межгосударственные противоречия.

Собственно, именно эта логика и определила «перезагрузку». Соединенные Штаты при Обаме действительно пошли на то, чтобы снизить накал казавшихся ранее существенными противоречий с Россией ради выстраивания сотрудничества по вопросам, которые рассматриваются Вашингтоном как первостепенные и отражают многие из новых вызовов и угроз.

Противоречия в том, что касается дальнейшего сокращения ядерного оружия и ПРО, могли бы быть сведены к минимуму, если бы Москва пересмыслила свои подходы к политике в области ядерного оружия и к отношениям с Вашингтоном в этой сфере. России следует руководствоваться мыслью о необходимости обеспечить собственную военную безопасность и международно-политические позиции. Между тем сейчас доминирует логика паритета и стремление непременно ответить на все действия Соединенных Штатов в ядерной сфере, которые в нынешних обстоятельствах (когда российско-американские отношения не являются стержнем мировой политики и главным приоритетом США) могут и не быть ориентированы на Россию.

Пока новый договор ДСНВ лишь воспроизводит прежнюю схему балансов и противовесов, и причина заключается в том, что в России отсут-

Студент дискуссия относительно критериев достаточного и оптимального для нее уровня ядерного арсенала и в целом тех факторов, которые должны определять современную парадигму в сфере ядерного оружия. Многие численные мифы и коловосадебная инерция холодной войны определяют устаревшее представление о том, какой именно коливественный и качественный уровень СЯС соответствует задаче обеспечения национальной безопасности, внешнеполитического престижа и сохранения места в международной системе.

Как и в начале 1980-х гг., подход России к определению необходимых коливественных и качественных характеристик СЯС зиждется на принципе паритета с ядерным арсеналом США и стремлении преодолеть любую систему американской противоракетной обороны. Сегодня к ним добавляется и третий фактор — необходимость компенсировать отставание Москвы в области обычных вооружений. Предполагается, что только подержание паритета и создание противоракетной системы на каждом из единственных Штатов в стратегической сфере обеспечит военную безопасность и влияние России в мире. Результат — нарастающие противоречия в области ядерного оружия и ПРО, прояснить «перезагрузку». Вероятен даже новый виток российских расходов на наращивание ядерного арсенала, что не представляется оправданным.

Равнение на Китай?

Взглянем на ядерную компоненту российско-американских отношений с менее идеологизированных позиций.

Во-первых, паритета между СЯС России и Соединенных Штатов нет уже сейчас. И по коливественным боезарядов, и тем более по носителям Вашингтон опережает Москву. Существующий баланс определяется тем, что Россия сохраняет способность физически уничтожить оппонента. То есть, пенаясь за принцип паритета, Москва в значительной степени занимается самообманом и ставит себя перед необходимостью постоянно воспроизводить иллюзию равновесия с помощью модернизации СЯС, создания новых видов ядерного оружия, нахождения противоракетной системы ПРО США и т.д. Отсюда коловосадебное расхождение средств, углубление противоречий в российско-американских отношениях. Наконец, с точки зрения имиджа Россия рискует превратиться в глазах международного сообщества как противник ядерного разоружения.

Во-вторых, военная безопасность России может быть эффективно и надежно обеспечена гораздо меньшим, чем теперь, арсеналом СЯС, в том числе с учетом вероятности в будущем преодоления с его помощью системы ПРО США. Для этого вовсе не обязательно нанесение невосполнимого ущерба. Напрашивается пример Китая, который на сегодняшний день способен

причинить Соединенным Штатам такой ущерб, обладая ядерным арсеналомкратно меньшим, чем российский. То есть решаются те же задачи стратегического сдерживания, но с гораздо меньшими затратами. Тем более что в нынешних условиях эффективное сдерживание неравносильно полному уничтожению государства или десятков миллионов человек, как это предполагалось в период холодной войны. По сути, достаточно доставить до территории вероятного противника (если это развитое демократическое государство) один-два ядерных боезаряда. Тем самым ему уже будет нанесен невосполнимый ущерб, и ни одно демократическое правительство на этот риск не пойдет.

Переосмысление ядерной политики России должно заключаться не в том, чтобы просто отказаться от принципа паритета. Если принять подобное решение спонтанно и без должной подготовки, оно нанесет России серьезный урон.

Во-первых, Россия потеряет статус ядерной сверхдержавы, который во многом определяет ее положение в международной системе. Во-вторых, будет послан опасный сигнал другим ядерным странам, прежде всего Китаю, которые могут попытаться сократить отставание в области ядерного оружия и встать вровень с Россией, что окажет на отношения с ней весьма негативное воздействие. В-третьих, будут поставлены под удар российско-американские отношения, так как США в этом случае окончательно сделают выбор в пользу подхода к Москве с позиции превосходства. В-четвертых, отказ от паритета и масштабное сокращение СЯС, вероятно, подтолкнут Вашингтон к интенсификации работ по противоракетной обороне, а также к стремлению обрести возможность преодолеть сократившийся стратегический наступательный арсенал России. В-пятых, данный шаг будет воспринят многими представителями российской политической элиты как предательство национальных интересов и серьезно подорвет авторитет руководства (опыт Михаила Горбачева).

Переосмысление политики в области ядерного оружия состоит в том, чтобы придать ей самостоятельный характер, подчинить ее соображениям военной безопасности и международно-политического влияния России, а не необходимости поддерживать паритет с Соединенными Штатами.

Наиболее подходящим руководством к действию, определяющим самостоятельную политику, представляется возвращение к принципу «минимальной разумной достаточности». Цель — создать такой ядерный арсенал, количественные и качественные характеристики которого выводились бы из оптимального баланса между способностью нанести вероятному противнику невосполнимый ущерб, экономической эффективностью (наименьшей затратностью) и сохранением международного статуса России как ядерной сверхдержавы.

России необходимо сохранять такое минимальное количество единиц СЯС, которое:

— позволяло бы нанести по территории противника гарантированный ответный удар и причинить ему невосполнимый ущерб, в том числе с учетом вероятности в будущем превращения систем ПРО; —кратно превышало бы масштаб ядерных арсеналов всех других ядерных стран, кроме США. Требуемое число может оказаться меньшим, чем количество СЯС, которым Россия располагает сегодня.

Переход к данному принципу позволяет России, во-первых, сэкономить кооссальные финансовые и экономические ресурсы и, во-вторых, не подвергая риску свою военную безопасность и международный статус, пойти на дальнейшее сокращение стратегического ядерного оружия.

Россия целесообразно самой предложить Соединенным Штатам произвести новый раунд сокращения СЯС уже вскоре после вступления в силу СНВ-3, не дожидаясь, пока американская сторона возобновит движение по поводу заключения нового договора «после ДСНВ». Упреждая США и предлагая новый раунд сокращения стратегического ядерного оружия, Россия смогла бы переключить на него дискуссию и уменьшить тем самым вероятность невыгодных ей переговоров по сокращению тактического ядерного оружия. Существенную гибкость походу России к дальнейшим сокращениям могут здесь могут возникнуть трудности с учетом единичности — стратегически ТЯО те же, что и для доставки неядерного оружия.

Вопрос о том, какое именно количество российских СЯС и ТЯО будет составлять «минимальную разумную достаточность», нуждается во всестороннем рассмотрении и проведении откровенной дискуссии среди военных экспертов и международных экспертов. Пока достаточно сказать, что сохранение России влияния на международную арене во многом обеспечивается ее статусом ядерной сверхдержавы. Кроме того, стратегическая стабильность в мире сохраняется до тех пор, пока две ядерные сверхдержавы — Россия и Соединенные Штаты — обладают принципиально равными арсеналами остальных, в том числе Китая, глобальная стратегическая стабильность нарушится. Соответственно возрастает вероятность большого конфликта, не исключающая мировой войны, а престижу и военной безопасности России и США будет нанесен непоправимый урон. Безусловным императивом российской политики в области ядерного оружия должно стать поддержание арсенала, в разы превосходящего арсенал третьей по размерам ядерной державы. В данном случае — КНР.

Фактически отказ от парадигмы холодной войны и признание ядерной политике России самостоятельного характера, подчинение ее соображениям экономического развития, военной безопасности и внешнеполитического влияния приводит к парадоксальному, казалось бы, результату. Данная политика должна определяться в первую очередь не тактическими

шагами США и размером их ядерного арсенала, а действиями, предпринимаемыми Китаем, и размером его ядерного арсенала.

Разумеется, если возникнет реальная перспектива того, что американский арсенал или система ПРО достигнут уровня, который будет представлять собой угрозу российскому потенциалу сдерживания (а не просто обладать какими-либо отдельными преимуществами, которых нет у российского стратегического комплекса), России стоит предпринять ответные шаги. Опять-таки не паритетного характера, а обеспечивающие возможность нанесения Соединенным Штатам неприемлемого ущерба.

Аналогичным образом следует переосмыслить политику Москвы в том, что касается качественных характеристик ее стратегического ядерного арсенала, на сегодняшний день она также подвержена инерции холодной войны. Как и в случае с количественными характеристиками, определяющим критерием здесь по-прежнему служат действия США и приверженность цели поражения больших территорий, а не соображения собственно национальной безопасности России. Это выражается в неоступном стремлении сохранить триаду СЯС (МБР наземного базирования, межконтинентальные баллистические ракеты подводных лодок и тяжелые стратегические бомбардировщики), единственной смысл которой на сегодняшний день заключается в копировании американской политики. (Впрочем, администрация Обамы также придерживается консервативного подхода, делая уступку республиканцам и военному истеблишменту.)

С точки зрения обеспечения военной безопасности нет особой нужды сохранять классическую триаду. Со временем сами Соединенные Штаты, вероятнее всего, начнут отказываться от сохранения триады и сделают ставку на стратегические подводные лодки. На этот счет все чаще высказываются прогрессивные американские военные эксперты, сюда же направляется большая часть средств. Администрация Обамы, в частности, уже признала, что сохранение стратегических тяжелых бомбардировщиков имеет для США в значительной степени символическое значение.

Главным критерием, который должен определять российский подход к качественным характеристикам СЯС, является баланс между их живучестью, то есть способностью осуществить гарантированный ответный удар после нападения на Россию с применением ядерного оружия, и экономической эффективностью.

Принцип живучести удачно сочетается с принципом «минимальной разумной достаточности» и представляет собой, по сути, его качественное выражение. Чем более живучи СЯС, тем меньше их нужно, чтобы гарантировать нанесение неприемлемого ущерба вероятному противнику. В условиях российской географии данному критерию оптимально соответствуют наземные грунтовые мобильные комплексы (по типу «Тополь»). Стало быть, именно на их развитии и совершенствовании России следует сосредоточить основные ресурсы. Возможно, имеет смысл также

сентя им материального ущерба. В этой связи попытки найти «военный» физический уничтожения Союзных Штатов, а не только нане- (вероятность обих допущений невыска), у России останется возмож- (незначительная часть которых будет способна сбивать российские МБР) Если Америке и удастся развернуть в Европе около 400 противоракет, сти, которых у России попросту нет после выпоненения договора РСМД.

сти, главной же задачей ПРО является перехват ракет средней дальности, которая на официальном уровне «дополнительно» возможно- уменьшенном масштабе по сравнению с нынешним. Перехват МБР уже боольшую опасность для российского потенциала СЯС, причем даже в ность перехвата МБР после 2020 г., то вряд ли будет представлять собой если она получит, как объявляется в доктринальных документах, возмож- к «теплично-лабораторным», а не реальным условиям. В этой связи, даже ротность чего сама по себе невелика), скорее всего будет приспособлена Штатам, возможно, удастся развернуть в Восточной Европе к 2020 г. (ве- редней политической руководством. Та система, которую Союзными систем, которая действительно решава бы задачи, которые ставятся пе- вают, что имеющиеся научные и технологические разработки не позво- кации в открытых американских источниках и опыт испытаний показы- пели создания противоракетной обороны. Во-вторых, экспериментальные плав- крайне изменяя, хотя все администрации заявляют о приверженности аматике ПРО. Во-первых, текущая политика США на этом направлении ными Штатами, требуют переосмысления российского подхода к проб- необходимости превратить новое ухуащение отношения с Союзными

Наконец, сотрудничество военной безопасности России и инерпией и штапами холодной войны. Этого важно не допустить. истические ракеты шахтного базирования. Оплить-таки, руководствуясь все же сваять ставку именно на «тяжелые» межконтинентальные ба- российского потенциала стратегического сдерживания, Москва может Аудию американскую ПРО, неспособную на деле представлять угрозу для ядерного оружия и тем более вероятных попыток России «преодолеть» ду- в условиях возможного обострения споров о дальнейшем сокращении способности нанести гарантированный ответный удар. Однако ных средств при реальном осваивании обороноспособности России и ее разумно. Данный подход чреват необоснованным расходом круп- при дальнейшем развитии стратегического ядерного арсенала крайне не- хранить их на обзорную перспективу и тем более девать на них ставку Со- Наименшей живучестью обладают МБР шахтного базирования. Со- вее чем ироню.

поветы, возобновившиеся в последнее время, вызывают на Западе не бо- же авиация все в большей степени представляется вчерашним днем, и ее сохранить несколько стратегических подводных лодок. Стратегическая

ответ» на американскую политику в сфере ПРО, тем более заранее, еще до ее фактического развертывания, были бы не только неоправданны в экономическом, бессмысленны в военном, но и контрпродуктивны в политическом отношении. Они будут отвлекать финансовые ресурсы на борьбу с мнимой угрозой, препятствовать необходимой концентрации на главном направлении российской ядерной стратегии — совершенствовании наземных мобильных комплексов МБР, а также усиливать позиции американских и российских «ястребов» и осложнять выстраивание устойчивых отношений Москвы и Вашингтона.

Чтобы противоракетный вопрос раз и навсегда перестал быть раздражителем в российско-американских отношениях, целесообразно выстраивать сотрудничество в этой сфере с перспективой создания совместной системы противоракетной обороны. Это в корне изменит логику отношений в стратегическом плане, минимизирует негативное воздействие на них ситуации гарантированного взаимного уничтожения и максимально приблизит содержание отношений к союзническим. Однако подобное сотрудничество требует изменения подходов обеих сторон.

России имеет смысл отойти от негибкой и нереалистичной позиции, которая состоит в том, что ее участие в создании совместной с США и НАТО системы противоракетной обороны будет возможным, только если последние откажутся от имеющихся планов и приступят к обсуждению противоракетной проблематики с нуля, начиная с совместной оценки угроз.

Гораздо перспективнее не пытаться изменить одобренную еще в декабре 2009 г. политику Вашингтона в области европейской ПРО, а принять участие в дискуссии об архитектуре будущей (возможной) системы ПРО НАТО, которая не намечена еще даже в предварительном виде. Пока ясно только то, что ее основой станет американская система, как она предложена администрацией Обамы. Это предоставляет России шанс с самого начала участвовать в создании подобной системы и сделать ее более приемлемой и даже привлекательной для себя.

Соединенным же Штатам следует также проявить большую гибкость.

Во-первых, отказаться от подхода, при котором России остается только один выбор — или принять предложение об участии в проекте, утвержденном без нее, или не принять его вовсе.

Во-вторых, негативное восприятие Москвой создаваемой США системы ПРО было бы меньшим, а возможности для сотрудничества большими, если бы Вашингтон сделал свой подход в этой сфере и саму будущую систему ПРО в Европе более транспарентной. Например, если бы с Россией проводились предварительные консультации о ее географии, количественных и качественных характеристиках, давались бы разъяснения о том, почему элементы ПРО размещаются в тех или иных государствах Европы. Наконец, если бы была предусмотрена практика инспекций рос-

спецслужбами военными экспертами элементов данной системы и предоставлении России ее телеметрической информации.

В-третьих, Соединенным Штатам следует четко сформулировать, в чем именно могло бы заключаться двустороннее (Россия — США) и многостороннее (Россия — НАТО) взаимодействие в этой сфере. Пока американские представители несут исключительно размытый характер. Саммит в Лиссабоне, где Россия официально пригласила к участию, ни какой ясности не внес. Единственная конкретная идея — возвращение к прежнему статусу России о совместном использовании РАС в Табае и Армавире, вывинутому Владимиром Путиным в 2007 году.